Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института российской истории,
Института философии
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Георгий Чистяков

Беседы о литературе: Восток

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2018

УДК 130.12
ББК 86
Ч 68

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я.Левит
Заместитель главного редактора И.А.Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Л.В.Скворцов (председатель), Е.Н.Балашова, П.П.Гайденко,
В.Д.Губин, Б.Л.Губман, П.С.Гуревич, А.Л.Доброхотов,
Г.И.Зверева, А.Н.Кожановский, И.В.Кондаков, М.П.Крыжановская,
Л.А.Микешина, Ю.С.Пивоваров, И.И.Ремезова, А.К.Сорокин, П.В.Соснов

Составление тома: П.Г.Чистяков, К.Т.Сергазина

Редактор: Л.Л.Тумаринсон

Чистяков Г.П.

Ч 68 Беседы о литературе: Восток. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 432 с. (Серия «Humanitas»).

ISBN 978-5-98712-859-6

Издание продолжает серию трудов священника Георгия Чистякова (1953–2007), историка, богослова, общественного деятеля. Оно включает в себя циклы радиобесед о европейской литературе XX века и о русской литературе XIX–XX веков, в основе которых лежат выступления на радио «София» в конце 1990-х годов. Подавляющее большинство текстов публикуется впервые. В приложении помещены две тетради записок и избранные стихотворения. Издание адресовано литературоведам-профессионалам, а также всем интересующимся историей культуры.

УДК 130.12
ББК 86

На обложке: М.В.Нестеров. Видение отроку Варфоломею (1889–1890). Фрагмент. Государственная Третьяковская галерея

ISBN 978-5-98712-859-6

© Левит С.Я., автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2018
© Чистяков П.Г., Сергазина К.Т., составление тома, 2018
© Чистяков П.Г., Чистякова Н.А., правообладатели, 2018
© Центр гуманитарных инициатив, 2018

От составителей

Восьмой том трудов историка, филолога и священника Георгия Петровича Чистякова (1953–2007) посвящен русской литературе и западной литературе XX века. Собранные в нем тексты преимущественно составляют расшифровки бесед о литературе на радио «София» в 1996–1998 годах (так называемый «Литературный цикл»). Все эти передачи доступны на сайте «Предание.ру», а для нашего издания были подготовлены Ириной Ручицей, Аллой Калмыковой и Леонидом Тумаринсоном.

Все, кто слушал лекции священника Георгия Чистякова, его беседы в храме и радиопередачи, знают, как он любил литературу и как хорошо ее знал. Готовя к изданию тексты отца Георгия, мы задумывались о том, удастся ли в письменном тексте сохранить стиль его устной речи. Но, как кажется, удалось. В любом случае, удалось передать любовь автора к тем, о ком он рассказывает, – его увлеченность не только текстами, но и личностью того или иного писателя и поэта. В каждой своей радиопередаче отец Георгий был их собеседником – и, хочется верить, что и мы, читатели, оказываемся причастными к этому литературному диалогу.

Последний раздел этого тома биографический. В нем опубликованы юношеские заметки Г.П.Чистякова и его ранние стихи. Заметки были сохранены вдовой отца Георгия Натальей Александровной Чистяковой и представляют собой два небольших сборника. Один из них машинописный, на двадцати двух страницах формата А 4, как бы подготовленный автором к изданию: он снабжен названием («Отрывки») и подзаголовками – «Между прочим», «Из старых тетрадей», «Эфемериды», предисловием, нумерацией страниц и датой – «1974». Записи не нумеруются, но отделены друг от друга «звездочками» – так, что на одной машинописной странице иногда оказывается три, четыре и даже пять «отрывков».

Другой сборник – рукописный, с нумерацией записей, заголовком («Pensées»), созвучным с одноименной книгой Паскаля, эпиграфом из Монтеня и подписью автора на «титуле». Как можно понять по датировкам записей (и разноцветным чернилам) второго сборника, он составлялся несколько лет – с 1982 по 1988 год. Сборник был закрыт 8 мая 1983 года, но позднее автор добавил к нему несколько пронумерованных машинописных листов, датированных 1987 и 1988 годами. В самом начале есть приписка автора: «N.B. Здесь 59 отрывков; некоторые очень неудачны, но в целом эта тетрадка представляет собой неплохой автопортрет. *Г. Чистяков*». Именно эта запись стала решающей в споре о том, нужно ли публиковать эти ранние тексты.

Сложнее со стихами – они разрозненны и, конечно, не составляют единого цикла. К сожалению, это далеко не всё, что когда-либо напи-

сал Г.П.Чистяков. Многое утеряно, уничтожено автором или адресатами. Кое-что невозможно было печатать совсем. Тексты сохранились в архиве О.Н.Чистяковой и Н.А.Чистяковой. В основном, это машинописные листы, чаще не датированные. Есть и рукописи. Несколько стихотворений расшифрованы с магнитофонной записи 1970-х годов. Некоторые стихотворения имеют адресата или предысторию, но эти истории, к сожалению, в книгу не вошли. Их законное место – в сборнике воспоминаний.

Мы благодарим Варвару Петровну Чистякову и Наталью Александровну Чистякову за помощь в разборе семейного архива, за найденные магнитофонные записи стихотворений и рукописи, Ирину Ручицу – за помощь в расшифровке аудиозаписей радиобесед, Аллу Калмыкову – за текстологическую подготовку издания, Марину Гистер – за прекрасное предисловие, Леонида Михайловича Тумаринсона – за кропотливую работу над алфавитным указателем, Леонида Леонидовича Тумаринсона – за помощь в работе над восьмитомником, редактуру и неиссякающую энергию, благодаря которой это издание увидело свет.

Благодарим издателя – Петра Валентиновича Соснова, все эти годы терпеливо сносившего натиск «авторов», а также художника – Яну Витальевну Быстрову – бессменного создателя всех макетов восьмитомника.

Мы благодарим и всех, кто принимал участие в сохранении аудиоархива священника Георгия Чистякова.

Петр Чистяков,
доцент Учебно-научного центра изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета

Ксения Сергазина,
заместитель главного редактора журнала «Мир музея»,
доцент Учебно-научного центра изучения религий РГГУ

Москва, сентябрь 2018 г.

Предисловие

В этой книге собраны произведения самых разных жанров. Основную часть составляют расшифровки передач о западноевропейской литературе XX века и о русской литературе второй половины XIX – начала XX века, которые отец Георгий Чистяков вел на радио «София» в 1996–1998 годах. Беседы о литературе предлагаются читателю по хронологическому принципу: западноевропейская литература – от Метерлинка (1862–1949) до Ионеско (1909–1994), русская – от Гоголя (1809–1852) до Гумилёва (1886–1921).

В «Приложении» собраны записки Георгия Петровича Чистякова, которые он начал вести, будучи очень молодым человеком, а также стихотворения, которые он писал с семнадцати лет, никогда не помышляя о публикации.

В основной части книги отец Георгий предстает, прежде всего, как просветитель. Его беседы о зарубежной и о русской литературе интересны и полезны для читателя (и слушателя) любого уровня подготовки – от тех, кто впервые слышит имена писателей, о которых говорит Г.П.Чистяков, до специалистов по их творчеству. Слушателей он воспринимает не только как обучаемую аудиторию и не только как собеседников, но и как соавторов. Например, в беседе об «Отцах и детях» он просит: «Посмотрите, если хватит сил и времени, тургеневские тексты для того, чтобы вступить со мною в диалог, чтобы помочь мне в подготовке этих передач. Потому что ваша помощь для меня всегда очень нужна и неоценима, потому что я всегда вижу в вас не только слушателей, но соавторов наших передач».

Значительную часть книги составляют рассказы-размышления о постижении Бога тем или иным писателем. Но и посвящая передачи теме встречи с Богом в жизни писателя, Г.П.Чистяков выступает не только как священник (отчасти даже – как миссионер), не только как просветитель, лектор, ведущий пропедевтический курс по зарубежной литературе XX века, но и ничуть не в меньшей степени как ученый, как исследователь. Каждое из соображений религиозно-философского характера подкреплено цитатами из произведений автора, о котором идет речь. Каждая из бесед первого раздела этой книги вполне могла бы быть статьей или отрывком диссертации на тему «Христианская тематика в западноевропейской литературе новейшего времени». Однако повторимся, главная цель бесед не научная, а просветительская.

В том, что касается христианской тематики, отец Георгий оказывается и больше, чем исследователь, и больше, чем священник. Очень часто, когда речь в книге (т.е. в радиопередачах) заходит о христианстве, следом говорится и о свободе. Наиболее ярко это звучит в главе о «Жан-Кристофе» Ромена Роллана: «“Никогда я не отрекусь от своих взглядов, – заявлял Кристоф. – Я свободный человек”. – “А с Богом вы еще свободнее”, – спокойно возражал священник». Здесь смело де-

кларируется, что вера – и есть свобода, но это очевидно и в беседах об Ионеско, о Рильке, о Гессе.

Постижению писателем Бога посвящена почти каждая беседа. В главке «Браслет Экзюпери», казалось бы, немного иная тема – не вера или неверие Экзюпери (об этом – в остальных беседах об этом писателе), но судьба – судьба в античном ее понимании (обратим внимание на параллель между браслетом Экзюпери и поликратовым перстнем) и судьба как промысел Божий. Однако и в этой главке комментируется христианское в текстах Экзюпери: «“Хлеб стал для нас непременным спутником сострадания, потому что его раздают в годину бедствий. Вкус разделенного хлеба не сравним ни с чем... Ведь хлеб это то же, что масло в светильнике, пишет Экзюпери дальше. – Оно также претворяется в свет”. Хлеб, свет, масло в светильнике, вкус разделенного хлеба – но это же Тайная Вечеря! На самом деле именно о Тайной Вечери Христовой говорит в этих словах Экзюпери».

Многие беседы посвящены разным формам несвободы; два полюса духовной несвободы представлены в беседе о «Восстании масс» Хосе Ортеги-и-Гассета, где личная свобода поглощается массовым сознанием, единой идеологией, и в беседе о романе Германа Гессе «Игра в бисер», где принадлежность, напротив, не к массе, а к интеллектуальной элите, заставляет человека отказаться от творчества, мистики, устанавливает жесткие добровольные рамки и лишает личной свободы.

Как бы продолжением бесед об Ортеге-и-Гассете и Эжене Ионеско оказывается беседа о «Возвращении из СССР» Андре Жида. То, что Андре Жид видит в СССР, стране, которую он любил, пока в ней не побывал, и которую считал свободной – это та самая несвобода, тот самый «риноцерит», когда человек отказывается от своих личных суждений и мыслит как масса, вместе с массой.

Весьма интересны беседы Г.П.Чистякова со слушателями. Особенно примечательна беседа в главе, посвященной Андре Жиду. Вопросы касаются то литературы, то религии, и в своих ответах отец Георгий выступает то как преподаватель, то как священник. Но вот слушательница задает вопрос злобный и глупый: «Почему Вы выбираете героями Ваших передач то гонителя христиан Марка Аврелия, то содомита Андре Жида? Чем объяснить Вашу любовь к этим персонам?» И получает ответ (часть которого купирована составителями): «Что касается Вашей реплики, то она вполне укладывается как раз в то, о чем говорит Андре Жид. Как страшно, когда человек живет идеями, когда человек живет не жаждой правды, а стремлением проводить в жизнь свою идею. <...> Вы – женщина злая, неумная и агрессивная, и мне кажется, что вместо того, чтобы звонить на радио, Вам бы надо было подойти к зеркалу, посмотреть на себя и подумать: “А почему я так всех ненавижу? А почему даже веру во Христа, которая мне вдруг открылась, я использую как новый способ реализовывать свою ненависть?” Родные мои, ведь это же чудовищный парадокс! Вы считаете себя христианами, вы открыли для себя Евангелие, но для вас ваше христианство – это только новый повод к ненависти. Одумайтесь, оста-

новитесь! Проснитесь, в конце концов! <...> Где ваша личная свобода, к которой звал апостол Павел? Где ваша личная вера?»

Всем, кто знал отца Георгия, знаком и этот его гнев, и слова «родные мои», которые оказывались органичными и в проповеди, и в беседе, когда атмосфера действительно приближалась к семейной, и даже, парадоксальным образом, в момент гнева, захватывающего и болезненного. В ответе этой слушательнице, как и в приведенной выше цитате из романа «Жан-Кристоф», понятия «вера» и «свобода» неотделимы друг от друга.

***

Беседы о русской литературе Г.П.Чистяков не случайно начинает со второй половины XIX века. Он отмечает уход значительной части интеллигенции из Церкви именно в это время. Кроме того, он знакомит слушателей с той литературой, которую все проходят в школе, но редко знают хорошо. Его беседы – своеобразная апология русской литературы, ответ на те обвинения, которые звучали в конце девяностых годов XX века и продолжают звучать ныне. Вот что отец Георгий говорит в конце беседы о Герцене и Печерине: «Именно поэтому я заговорил в последние месяцы о литературе и только о литературе, и буду продолжать эти циклы, и постараюсь все-таки что-то из этого напечатать, сделать книгу или цикл статей... Не знаю, что́ получится, но будем над этим работать, потому что действительно то, что сейчас происходит, увы, приходится назвать словом “шельмование”. Шельмуется русская литература XVIII и XIX веков за то, что она далека от Бога, далека от христианства, за то, что она не православна, за то, что она “жидомасонская”, за то, что она вся ориентирована на Запад, за то, что она безбожна и так далее».

В этих фразах – и обоснование настоящей книги, и предостережение всем нам.

В беседах о русской литературе Г.П.Чистяков говорит о писателях, изучаемых в средней школе, но рассматривает их творчество под совершенно неожиданным углом. Н.А.Некрасов предстает не только как поэт социальный, ищущий ответа на вопрос, почему так трудно живется людям на Руси, но и как поэт христианский: «Да какой же он “кулак”, дядя Влас? И какой же он безбожник, Николай Алексеевич Некрасов? Всё совсем не так просто, как нам казалось. Перед нами образ христианина, человека раскаивающегося, человека, который понял что-то важное и это важное передает теперь людям».

В беседах отца Георгия Лев Толстой предстает не автором «еретического Евангелия», а напротив, писателем, оберегающим нас от ереси: «Да, Толстой отрицал Божество Христово. Но он обратил наше внимание на Его человеческую природу и тем самым спас нас от того стихийного монофизитства, в которое мы впадали, когда видели во Христе Иисусе только Бога, но не Человека. Толстой принес себя в жертву и дал себя объявить еретиком, дал себя официально объявить оставшимся вне Церкви. Но он вернул нас к халкидонскому исповеданию, о котором мы уже забыли».

Суждение, нестандартное вообще, и особенно неожиданное из уст православного священника.

Собственно, обе беседы об отлучении Толстого полны неожиданных примеров и выводов: «В отлучении Толстого мне видится страшная ошибка, совершенная тогда Синодом, потому что этим решением от Церкви был отлучен не Толстой – этим решением Синода была отлучена от Церкви российская молодежь, причем не простая, а ищущая, жаждавшая правды, а значит – жаждавшая Бога. Она, естественно, выбрала Толстого, выбрала автора “Войны и мира”. <...> Из Церкви после этого ушли тысячи людей. Тысячи и тысячи лучших русских молодых людей покинули Церковь для того, чтобы быть с Толстым, а не с теми, кто захлопнул перед ним двери храма. И, быть может, я сейчас скажу несколько парадоксальную фразу, но я ее все-таки скажу. Кто знает, как пошла бы история дальше, если бы не был отлучен от Церкви Толстой, если бы не поссорилась тем самым Церковь с российской молодежью начала века, не оттолкнула бы ее, не швырнула бы ее тем самым в объятья материалистической мысли, марксизма и других, новых тогда политических и философских течений?»

В беседе о Герцене и Печерине отец Георгий вспоминает о внимании Церкви к русской литературе: «Забывается о том, что русская литература всегда была оберегаема православной Церковью, и что митрополит Филарет, которого мы теперь почитаем в лике святых, с заботой и бережно относился к русской литературе, читал и журналы и всех русских писателей. Он самым высоким образом оценивал писателей, причем не вдавался в подробности: кто ходит в церковь, а кто не ходит, кто бывает на исповеди, а кто нет, кто причащается, а кто причащался последний раз в юности».

В беседах об отлучении Льва Толстого говорится и о почитателях писателя в среде русской православной Церкви, таких как святитель Лука (Войно-Ясенецкий), писавший: «Лев Толстой был для меня в полном смысле слова духовным отцом», или как владыка Иоанн (Шаховской), посвятивший Толстому значительную часть своей книги о русской интеллигенции. Но не забывает отец Георгий упомянуть и гонителей Толстого, например, архиепископа Никона (Рождественского), судившего о писателе «жестко, схоластически, безжалостно, как-то без Бога в сердце».

В творчестве поэтов, знакомых всем с детства, из которых помнят главным образом пейзажную лирику, таких, как Майков и Фет, Г.П.Чистяков акцентирует внимание на том, чем их поминают далеко не в первую очередь: в случае первого – на переводах из новогреческой, в случае второго – на переводах из древнеримской поэзии. Стихи Жемчужникова отец Георгий комментирует, сопоставляя их с литургическим текстом.

В книге немало параллелей между предметом беседы и современностью (т.е. девяностыми годами XX века), не менее актуальных и в наши дни. Например, цитируются классические строки А.К.Толстого из стихотворного послания к М.Н.Лонгинову: